

· В ТИПОГРАФИИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ

В ряду мероприятий Временного правительства по подавлению готовившегося восстания горе-бонапарт Керенский закрыл 24 октября 1917 года большевистскую газету — Центральный орган нашей партии. Правительство «социалиста» Керенского запретило дальнейший выход партийной газеты, опечатало типографию ЦК партии и поставило караул у дверей типографии.

ЦК партии и Военно-революционный комитет на это «социалистическое мероприятие» Керенского дали подлинно революционный большевистский ответ. Решено было распечатать типографию, продолжать выпускать газету именно в этой типографии, принадлежавшей партии.

Мне, офицеру-большевику, поручено было произвести эту операцию.

Утром 24 октября в Смольном в Военно-революционном комитете мне вручили (кто именно, я уже не помню) бумагу — постановление Военно-революционного комитета. Никто никаких подробностей об охране типографии сообщить мне не мог; знали только, что охрану несет лишь небольшой караул.

Я вызвал из караульного помещения при Смольном четырех солдат лейб-гвардии Волынского полка.

Интересна характеристика политического настроения волынцев. Они первыми из солдат выступили в февральские дни для свержения самодержавия. Первыми пришли к Государственной думе на поддержку ее и Временного правительства. Долгое время несли при Государственной думе в Таврическом дворце почетный караул. Долгое время считались надежным оплотом Временного правительства. Отборнейшие ораторы буржуазии постоянно, монопольно выступали в полку. Большевистские ораторы и организаторы нашей «Военки» никак не могли проникнуть туда. Полковой и ротные комитеты в полку захватили буржуазные и соглашательские элементы. В июльские дни полк остался верен Временному правительству.

И только корниловщина дала нам возможность проникнуть в полк. Удалось организовать в нем ячейки нашей партийной военной организации. наших ораторов солдаты-волынцы стали жадно выслушивать. Во второй половине сентября и в предоктябрьские

дни наша «Военка» провела у них несколько митингов и более узких собраний. Большевистские лозунги, ораторы и работники партии и «Военки» были уже хорошо известны волынцам. Революционное брожение и кипение в полку нарастали. Подлинно революционное ядро полка быстро сколачивалось. Не раз отдельные волынцы говорили нам, «военщикам»: «Мы хотим загладить наши ошибки перед революцией, хотим бороться за власть Советов, хотим послужить революции». В самые предоктябрьские дни особенно часто раздавались среди них такие высказывания.

Сейчас в нижнем коридоре Смольного поджидал я караул. Бережно держал бумагу — приказ Военно-революционного комитета. Помню хорошо плотную бумагу большого формата. Текст ее был весьма краткий, сухой.

В коридорах Смольного — беготня, суета: масса вооруженных солдат и красногвардейцев, революционная бодрость и напряженность.

Посланный мною приводит караул волынцев. Рослые, здоровые, подтянутые солдаты подходят ко мне установленным в старой армии порядком.

Передаю разводящему, что караул поступает в мое распоряжение, и приказываю следовать за мной.

Мы вышли из Смольного не через главный подъезд, а через «крестьянскую половину», как она стала позднее называться.

Здесь, на площади, знакомлю караул с предстоящей задачей:

— Вот прямо перед нами уходит вдаль Шпалерная улица; вон видны казармы и конюшни Кавалергардского полка, справа тянется плац полка, справа же за плацем выходит на Шпалерную Кавалергардская улица. На этой улице — типография газеты партии большевиков. Вчера Временное правительство запретило выход газеты, опечатало типографию. Приказываю сменить имеющийся там караул; под вашей почетной охраной редакция и рабочие типографии будут продолжать выпускать большевистскую газету. Ваши караульные обязанности понятны?

— Так точно! Понятны!

— Разводящий, проверьте караул!

Разводящий быстро осматривает караульных солдат, их винтовки, патроны, подсумки. Все в порядке. Бравые волынцы в боевой готовности.

— Караул, за мной!

Мы выступаем на Шпалерную. На улице почти никого. Кое-где мелькнет либо штатская, либо солдатская фигура.

Сероватый петроградский день. Лужицы и грязь на улице замерзли. Звонко отдается в тишине гвардейская поступь караула.

Караулом я доволен и спокоен. Ведь там, перед зданием Смольного, когда я объяснял волынцам предстоящую задачу, они мне сказали, что большевистскую газету знают, читают ее, меня они не раз слышали на митингах у себя в полку и в других частях, бывали раньше и во дворце Кшесинской; стоят они за власть

Советов и безотказно будут выполнять приказы Военно-революционного комитета.

Мы шагаем в серьезной сосредоточенности. Вот и Кавалергардская улица. Сворачиваем на нее. Дом типографии близко от угла. Улица также пустынна, у ворот типографии — отдельные черные фигуры, по виду — рабочие. «Очевидно, срочно вызванные наборщики и печатники поджидают нас», — решаю я. Кто стоит на панели, кто сидит на уличных тумбах, курят, поеживаются от утреннего холода.

Караул подходит ближе. Рабочие встрепенулись, сгрудились.

Молчание. Мы приближаемся к воротам. Среди рабочих оживление, дружеские улыбки. Мы, [сознавая] серьезность минуты и важность возложенной миссии, вступаем в ворота. Никакого караула во дворе, на улице, у ворот. Кто-то из рабочих сообщает, что часовой — солдат 9-го запасного кавалерийского полка — охраняет опечатанную дверь в наборное и машинное отделения. С караулом поднимаемся по лестнице вверх. За нами устремились собравшиеся рабочие, сотрудники газеты.

Напряжение растет. Вот сейчас на этом посту у опечатанной двери нашей партийной газеты часовой старой власти либо беспрекословно сдаст пост новой, Советской власти, либо окажет сопротивление. Ведь у нас ни пропуска, ни пароля.

Приближаемся к площадке и к двери типографии. На двери — сургучная печать. Одинокая фигура солдата-кавалериста с винтовкой. Увидя нас, часовой подтянулся. Я и караул волынец поднимаемся на площадку. Сопровождающие остались внизу на лестнице. Останавливаюсь перед часовым. Кавалерист вопросительно смотрит на меня.

— Разводящий, по распоряжению Военно-революционного комитета произведите смену часового!

В нарушение устава старой армии разводящий командует очередному часовому заступать. Волынец выступает вперед, становится рядом с кавалеристом, и происходит краткая, весьма несложная сдача поста. Кавалерист отступает, волынец — на посту, вытягивается.

Смененному кавалеристу отдаю приказание — немедленно отправиться в свою часть. Недоумевающий солдат быстро спускается вниз среди расступившихся рабочих, дружелюбно к нему настроенных.

Затем я срываю с двери шнурок с печатями. В руки мне суют запасной ключ. Поворачиваю его в замке, открываю дверь. Машинное и наборное отделения открыты. Все гурьбой вваливаемся туда. Машины опечатаны, стоят без движения. Но все в порядке! Никакого разгрома! Останавливаемся перед первой машиной. Сквозь ходовые части машины продет шнур и висит сургучная печать. Прошу дать нож или ножницы. Подают большие редакционные ножницы. Перерезаю шнур. Так же у другой, третьей машин и т. д. Так все гурьбой и переходим от одной машины к другой.

Нигде больше постов и печатей нет. Миссия моя кончилась. Прошу отвести караулу помещение. Разводящий знает, что через сутки его сменят солдаты его же полка.

Прощаюсь с присутствовавшими при этой торжественной церемонии «открытия» партийной типографии и буквально лечу на крыльях в Смольный: ведь надо доложить, что все в порядке, что типография освобождена, что газета может снова выходить в свет. Ведь теперь так остро нужно большевистское слово восставшему пролетариату...

*Петроград в дни Великого Октября.
Воспоминания участников революцион-
ных событий в Петрограде в 1917 г.
Л., 1967, с. 307—311*